

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1-9

«ПУШКИНСКИЙ КРЫМ» И «РОМАНТИЧЕСКОЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО»

Я. П. ПОЛОНСКОГО

Баранская Е. М.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Симферополь, Россия
E-mail: eleni313@mail.ru

Статья посвящена вопросу о влиянии пушкинских традиций на крымские произведения известного русского поэта Я. П. Полонского (1819–1898). Современники воспринимали Я. П. Полонского в качестве одного из наиболее успешных лириков, последовательно придерживавшихся художественных принципов романтической поэзии. Сам Я. П. Полонский также изначально видел себя именно в качестве продолжателя пушкинской поэтической традиции, что определяло и особенности его творческих поисков, и специфику его «литературной личности». Романтические идеалы не только определяли его художественную стратегию, но и формировали ориентиры жизнетворчества. Поездки Я. П. Полонского в Крым (1846, 1850) были результатом служебных обстоятельств, однако пребывание на полуострове в итоге оказалось важным эпизодом литературно биографии Я. П. Полонского. В статье проясняется фактическая основа поездок Я. П. Полонского на полуостров, определяется перечень произведений поэта, написанных в Крыму или основанных на крымских впечатлениях. Анализ этих материалов позволяет заключить, что в Крыму Я. П. Полонский получил возможность оказаться в окружении реалий пушкинской эпохи и «пушкинских» ассоциаций, смог «вписать» эпизод собственной биографии в «пушкинский контекст». Это закономерно продиктовало художественному осмыслению Крыма в лирике Я. П. Полонского ясно выраженную «пушкинскую» направленность.

Ключевые слова: романтическое жизнетворчество, Крым, Я. П. Полонский, А. С. Пушкин, лирический герой.

ВВЕДЕНИЕ

В литературе XIX в. Я. П. Полонский (1819–1898) признавался «непосредственным преемником пушкинских традиций» [2, с. 2] (Е. М. Гаршин), а к 1870 г. – «образцовым, классическим» [15, с. 130] (Н. Н. Страхов) поэтом. Важно, что и сам Я. П. Полонский изначально видел себя именно в роли продолжателя пушкинской поэтической традиции, что определяло и особенности его творческих поисков, и специфику его «литературной личности». **Цель** настоящей статьи доказать, что крымские произведения Я. П. Полонского создавались автором под непосредственным влиянием пушкинских текстов о Крыме, что являлось закономерным следствием художественной и жизнетворческой программы автора.

При этом необходимо решить следующие **задачи**: выяснить степень влияния романтических традиций на лирику Я. П. Полонского; определить позицию самоопределения Я. П. Полонского в отношении творчества и «литературной личности» А. С. Пушкина; осмыслить «пушкинские мотивы» в крымских стихотворениях Я. П. Полонского с точки зрения их обусловленности фактами авторской биографии и литературной традиции. **Объект** статьи – пушкинские традиции в формировании художественных и житнетворческих принципов Я. П. Полонского; **предмет** – влияние пушкинского мироощущения на крымские произведения Я. П. Полонского.

ЛИРИКА И ЛИЧНОСТЬ Я. П. ПОЛОНСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Начальное литературное самоутверждение Я. П. Полонского (1819–1898) приходится на 1840–1850-е гг. и сопряжено с привнесением романтического видения «я-для себя» и «я-для других» в сферу житнетворческих установок поэта. Основы историко-литературного и «житейского» образа поэта-Полонского закладываются на различных социокультурных и поведенческих уровнях, в том числе и в литературном восприятии современниками; формируется узнаваемый литературный облик поэта «чистого искусства».

Современники раннего Я. П. Полонского единодушны в эмоционально-психологическом восприятии художественного дара поэта: «несомненный и оригинальный» талант – в оценке А. А. Фета, «даровитейший лирик» – для А. А. Григорьева и «малый с талантом» – для Н. М. Языкова (1844). Его «свежестью лиризма» восхищался Н. В. Гоголь. В. Г. Белинский («Русская литература в 1844 году») отмечал у Полонского наличие «чистого элемента поэзии», «без чего никакие умные и глубокие мысли, никакая ученость не сделают человека поэтом», притом концептуально-формирующее значение отводил творческой личности: «Главное и трудное дело состоит не в том, чтоб иметь направление и идеи, а в том, чтоб не выбор, не усилие, не стремление, а прежде всего сама натура поэта была непосредственным

источником его направлений и идей» [1, с. 474]. Впрочем, это не означало неперенной концентрации поэта в поэзии на своей личности («натуре»).

Базовой, объединяющей категорией становится личность Я. П. Полонского. А. В. Дружинин («Стихотворения Я. П. Полонского», 1855) напрямую связывает особенности поэзии Полонского со свойствами его личности: «истолкователь светлых ощущений души человеческой», в произведениях его «большая часть его жизни» [3, с. 14, 18]. И в 1840-е годы Я. П. Полонский постулирует свою литературную личность (равно как и биографическую) в духе романтического субъективизма, сфокусированного на поэтически-условном представлении «изящного». Идея «изящного» предопределила направление художественного мировоззрения Я. П. Полонского и, как следствие, характер его лирического героя: целенаправленное выделение в искусстве и в жизни областей идеального, мечты.

И в самых ранних стихотворениях, и в значительно более поздних (конец 1850-х гг.) Я. П. Полонский работал в духе романтических традиций 1820–1830-х гг. Это подмечал Б. М. Эйхенбаум в стихотворениях Полонского «Статуя», «Диамей»; влияние М. Ю. Лермонтова признавалось И. Н. Розановым, А. И. Лагуновым (ст-я «На пути из-за Кавказа», «Грузинская песня», «Бэда-проповедник», «Ангел», «В потерянном раю», «Финский берег» и др.). Ориентация на «пушкинско-лермонтовское» направление проявилось в вариациях темы «поэт и поэзия», что характерно и для современников Полонского (В. Г. Бенедиктова, Н. П. Огарева, поэтов кружка Станкевича, поэтов-петрашевцев и др.). Однако мы «отводим» поэзию Я. П. Полонского из-под однозначно лермонтовского влияния и представляем его, вслед за критиками – А. В. Дружининым (1855), В. М. и Е. М. Гаршиными (1887), В. А. Гольцевым (1899), М. Г. Халанским (1900) и др. – преимущественно поэтом «пушкинского направления» [3, с. 19]. Полонский осваивал тематику и эмоциональный настрой пушкинской романтической поэзии, его лирический герой во многом формировался в духе пушкинских традиций, а литературная личность поддавалась обаянию личного образа Пушкина. Пример тому – любовная лирика Полонского («Маска», «Пришли и стали тени ночи...», 1842; «К NN», 1843; «Вызов», «Встреча», 1844; «Прощай». «Последний разговор», 1845; «Грузинка», 1846;

«Письмо», 1853; «Утрата», 1857 и др.), где просвечивают элементы сознательной «работы» на узнаваемость образа поэта-романтика.

Любовная лирика раннего Полонского являет желание поэта увидеть своего лирического героя подобным пушкинскому. Словно своей жизнью Полонский вознамерился воссоздать поэтический любовный мир Пушкина. Например, история его любви-страдания к Евгении Сатиной – едва ли не инсценировка пушкинского «Я вас любил...» (1829). Поначалу – романтическая заочная влюбленность (по красочному описанию друга). Потом – письма (неотосланные), обожание издали, случайные встречи. «За один поцелуй» – «готов отдать половину жизни» [16, с. 226]. Полонский даже начинает дневник, поверяет свои чувства некоторым друзьям, при этом один из них (М. Кублицкий) оказывается счастливым соперником Я. Полонского. История этой «безмолвной, безнадежной» поэтической любви длится почти два года – написаны стихотворения: «Я без ответа, без участия / Могу любить» («Перемены», 1842), чуть позже – «Любить – страдать, / Страдать и жить – / Одно и то же» («О Боже, Боже»); «К NN» (1843), «Встреча» (1844). Любовь к Соне Коризне, с которой в поэзию Полонского входит тема угаенной и вечной любви, повторяет пушкинское стихотворение «К***».

Идея романтического жизнетворчества – «видение себя и своей жизни в свете романтических идеалов» [8, с. 41] – включалась в поэтические традиции начала XIX в. и во многом определяла не только художественно-эстетическую систему, но и поведенческие законы [10, с. 37–40]. Полонский-романтик, вполне в духе эпохи, использует художественный текст как «текст поэтического поведения» [5, с. 264]. Романтическое видение мира (искусство – единственно возможная для художника «идеальная реальность» поэтической искренности) мифологизирует биографическую личность Полонского, формируя в бытовой жизни штампы условного романтико-психологического поведения. Подобная мифологизация «житейского образа» не ограничивается читательской аудиторией, но распространяется и на межличностные взаимоотношения. Важную роль в моделировании романтического образа поэта сыграло пребывание Полонского на Юге: в Одессе (одесская жизнь будет позднее описана им в романе-хронике «Дешевый город», 1879) и в Крыму.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ И КРЫМ: ФАКТЫ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА

В Крыму Я. П. Полонскому довелось побывать дважды: в 1846 г. и 1850 г. Сведения о посещении Полонским Крыма нуждаются в достаточно серьезных уточнениях и дополнениях. В краеведческих и литературных сборниках о Крыме о поэте упоминается крайне редко. Так, в сборник А. Маркевича «Крым в русской поэзии» за 1897 и 1902 гг. включены два стихотворения: «Ночь в Крыму» (1857) и «На Черном море» (1855). В книге «Крым в русской литературе» (1948) – лишь «Ночь в Крыму», при этом указания на пребывание Полонского в Крыму отсутствуют. Сборники литературно-краеведческих очерков более позднего времени («У литературной карты Крыма», 1965; «Крымские каникулы», 1985) о Полонском не упоминают вовсе. А вот в «Поэтическом атласе Крыма» (Справочник туриста и краеведа, 1989) названы «Ночь», «Ночь в Крыму», «На Черном море», однако в комментариях указано, что Полонский «прожил в Крыму более года с середины 40-х годов» [4, с. 203]. Биографические факты опровергают данное утверждение: в середине 40-х годов Полонский не мог жить в Крыму. Отсутствие научной биографии Я. П. Полонского приводит к хронологическим неточностям в крымском и кавказском периодах творчества поэта. В частности, Б. М. Эйхенбаум относит «Ночь» к «Кавказскому циклу», В. Г. Фридлянд считает, что стихотворение «Качка в бурю» написано на Кавказе и т. д.

Еще до окончания университета у Полонского появляется мысль уехать на службу, непременно на юг, и желательно – в Крым. В 1843 г. он пишет об этом своему приятелю Николаю Михайловичу Орлову – сыну опального генерала, декабриста Михаила Федоровича Орлова, владевшего домом в Крыму: «Если на Крымском полуострове – где-нибудь в приморском городе ты найдешь для меня место – я буду весьма тебе благодарен <...>» [12, с. 52].

В ноябре 1844 г. Полонский уехал-таки на Юг, но не в Крым, а в Одессу, где прожил чуть более полутора лет: уже по приезде поэт узнает, что Одесский генерал-губернатор М. С. Воронцов назначен заместителем на Кавказ, и «все здешнее (одесское – Е. Б.) народонаселение движется за ним, как за колонновожатым».

«Одесса пустеет, – пишет Полонский тому же Н. М. Орлову 1 января 1846 г., – и вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу» [12, с. 64]. Друзья выхлопотали для Полонского место в канцелярии наместника (здесь он служил почти пять лет, до июня 1851 г.). И 6 июня 1846 г. молодой поэт отправляется морем на Кавказ. По дороге заезжает в Керчь, где в неприметной гостинице в ожидании следующего парохода – от Керчи до Редут-Кале – проводит три дня. «Разберете ли вы хоть что-нибудь в моем письме? – пишет Полонский из гостиничного номера одесским знакомым Гутмансталям. – Пренеловко писать – столик такой маленький, стулик такой низенький, перо такое гусиное <...>» [16, с. 236]. Убогая обстановка временного пристанища никак не способствовала душевному комфорту поэта, да и напряженное ожидание не давало ему возможности расслабиться, прогуляться по Керчи и понять своеобразную красоту приморского города. По крайней мере, первое кратковременное посещение Крыма не оставило по себе сколько-нибудь значительных воспоминаний и поэтических результатов.

Вторичный визит в Крым, в 1850 г., оказался гораздо более длительным и насыщенным впечатлениями. В начале июня Полонский берет отпуск с намерением поправить здоровье в Крыму: он чувствовал себя неважно, к тому же был мнителен, и малейшее ухудшение самочувствия его чрезвычайно угнетало. «Два-три месяца в Крыму, среди спокойной, устроенной жизни, при морском купанье, совершенно восстановят твоё здоровье, и ты осенью воротись к нам молодец молодцом <...>» [16, с. 245], – успокаивает Полонского на пути из Тифлиса в Редут-Кале И. Ф. Золотарев (знакомый по Одессе). Из Редут-Кале Полонский добрался пароходом до Ялты.

Остановился Полонский в двух верстах от Ялты – в Массандре, в имении князя М. С. Воронцова. К этому времени в Массандре подрастал заложенный в сороковые годы парк. Экзотические растения на фоне моря и гор создавали восхитительную картину, а тишина теплых крымских ночей, мерный шум ночного прибоя запечатлелись в стихах:

Что мне сумрак холмов – трепет сонных листов –

Моря темного вечно шумящий прибой –

Голоса насекомых во мраке садов –

Гармонический говор струи ключевой? Ночь!.. <...>

Сам не знаю, за что я люблю тебя, ночь, –

Так люблю, что страдая люблюсь тобой.

«Ночь», 30 августа 1950 г. [13, с. 78–79].

В 1857 г., находясь в Швейцарии, в Женеве, поэт вспомнит вечерние прогулки по «нагорному саду» Массандры:

Шли мы, – лавр благоухал,

Грот чернел за виноградом,

И бассейн под водопадом

Переполненный звучал.

«Ночь в Крыму», 1857 [13, с.121].

Почему малоизвестный молодой поэт отдыхает в имении наместника? Думается, здесь не последнюю роль сыграла помощь Н. М. Орлова. В 1844 г. Николай Михайлович писал другу: «Душа моя Полонский, меня крепко беспокоит твоя участь. Я предлагаю тебе протекцию доброго моего дяди – Н. Н. Раевского во всем, что касается до Одессы и до Таврической губернии. Здесь жить дешевле, приятно и прибыльно» [11, с. 15]. Налицо связь: Полонский – Раевский – Воронцов. Снабженный рекомендательным письмом из Москвы, Полонский получает возможность представиться жене наместника южного края – Е. К. Воронцовой. «Она приняла меня, – сообщал Полонский, – со всею любезностью, которая ей одной так свойственна <...>, пригласила меня на свои понедельники» [11, с. 16]. Полонский пользуется ее расположением и, возможно, заступничеством, поскольку в Тифлисе Воронцов был весьма сердит на нашего поэта: «Много вы здесь глупостей наделали, но эта превосходит все, пора бы вам, Яков Петрович, убираться с Кавказа» [11, с. 19]. Эти слова были сказаны после «нечаянного» выстрела Полонского в неудавшийся портрет наместника кисти Ф. И. Байкова – друга Полонского.

«ПУШКИНСКИЙ КРЫМ» В ВОСПРИЯТИИ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Прогулки из Массандры в Ялту Полонский вспоминает с чувством душевной умиротворенности, покоя: «Когда ветру нет и море не бурлит – с одного конца Ялты можно ясно слышать, как на другом конце города стучат копыта, гремит неожиданный экипаж или приезжий громко спрашивает, где гостиница» [16, с. 245].

В Ялте отдыхал тогда младший брат А. С. Пушкина Лев Сергеевич, «очень светский» и «очень смешливый» человек. «<...> На террасе в полночь (по-видимому, в гостях у Пушкина – Е. Б.) я читал ему стихи свои Звезды, которые ему очень нравились (но что это были за стихи, не помню)» [16, с. 245], – писал позднее Я. П. Полонский. Познакомились они еще в 1844 г. в Одессе. Рыжеватый, с бакенбардами, Лев Сергеевич оказался очень похож на своего старшего брата. Служил в Одесской портовой таможне, снимал квартиру на Дерибасовской, был женат на красивой молодой блондинке, у них родилась дочь. В Одессе Полонский часто встречал его на Приморском бульваре, Лев Сергеевич приглашал молодого поэта к себе: «Жил не роскошно, – по свидетельству Полонского, – но ел и пил на славу, редко обед его обходился без шампанского» [16, с. 245]. В 1846 г. Полонский написал ему поэтическое послание «Прогулка по Тифлису» с подзаголовком: (Письмо к Л. С. Пушкину 1846 года). Теперь в Крыму поэт застал Льва Сергеевича уже неизлечимо больным, но все таким же весельчаком и немножко «циником»: «<...> Раз, при мне, в Крыму, читал княгине Урусовой Царя Никиту своего брата <...> (молодой Пиляр-фон-Пильхау за нее краснел, а она холодно смотрела на Пушкина и по временам как бы про себя восклицала: какие глупости!)» [16, с. 245], – делился впечатлениями Полонский. В качестве комментария к этому эпизоду заметим, что предположительно речь идет о жене сенатора Екатерине Павловне Урусовой, урожденной Татищевой (1775–1855), давней знакомой Пушкиных, которых еще в конце 20-х годов привлекала «прекрасная среда» «радушного и гостеприимного» [18, с. 456] московского дома Урусовых. Пиляр-фон-Пильхау – один из жителей Ялты.

По-видимому, в это же время в Крыму Л. С. Пушкин поделился с Я. П. Полонским воспоминаниями о брате, которые впоследствии тот поместил в мартовском номере «Cosmopolis» за 1898 г. Содержание одного из воспоминаний

весьма прозрачно намекает на настроение молодого поэта и тематику его бесед со Львом Пушкиным: «Раз у ней (А. И. Смирновой-Россет – Е. Б.) зашла речь с Пушкиным об его стихотворении «Подъезжая под Ижоры...». «Мне это стихотворение не нравится, – сказала ему Смирнова, – оно выступает как бы подбоченившись». Пушкину это понравилось, и он много смеялся» [19, № 61]. Почему же смеялся Пушкин и почему именно этот эпизод из его жизни запомнился Полонскому? Возможно, причина в том, что Смирнова весьма удачно подметила игровое начало в любовной лирике Пушкина, поэтическое призвание которого обязывало носить маску романтического влюбленного, и Пушкин дает это понять: «Через год опять заеду / И влюблюсь до ноября» («Подъезжая под Ижоры...», 1829) [14, с. 443].

Тип условно-романтического поведения в реальной жизни, заявленный Пушкиным, подхватывает и Полонский: влюбляется... до конца августа в некую мадам де Волан. Романтическая интрига вынуждает Полонского ненадолго покинуть в конце лета Ялту: провожая свою даму, Полонский прошел в каюту парохода, когда спохватился – пароход был в открытом море. Вполне в характере романтика «нечаянно», без денег, без вещей оказаться в другом городе (в Одессе) и, пока никто не заметил исчезновения, вернуться обратно в Ялту в сопровождении приятного попутчика. Таковым стал Г. П. Данилевский. По пути (скажем: обратному) в Крым Я. П. Полонский написал известнейшее стихотворение «Качка в бурю», напоминающее эмоциональным фоном пушкинское «Погасло дневное светило...». Данилевский свидетельствует: «На пути мы вынесли сильный шквал; половину путешественников укачало. В Ялте Я. П. Полонский, остановившись со мной в одной гостинице, прочел мне и вписал карандашом <...> стихотворение «Качка в бурю», очевидно, написанное им под влиянием перенесенного нами шквала, обозначив под ним: «Пароход «Тамань». Сентябрь 1850 г.» [13, с. 432]. В ту же ночь поэт написал еще одно стихотворение – «Ночь на восточном берегу Черного моря», что подтверждает авторская датировка.

В Крыму Полонский попадает как бы в «пушкинскую атмосферу». Он видит полуостров в то же время года, что и Пушкин (конец лета – начало осени), посещает

те же места, встречается с людьми из окружения поэта. Кроме того, мы должны учитывать еще и «литературную память» о Пушкине, которая прочно сохранялась в Крыму [9, с. 432]. Путешественники той эпохи направлялись не просто в Крым, а – в пушкинский Крым. Причем это замечание справедливо в отношении не только отечественных, хорошо знавших поэзию Пушкина гостей полуострова, но и в отношении иностранных. Так, швейцарец Шарль Монтандон, опубликовав в 1834 г. на французском языке «Путеводитель...» по Крыму, предварял свой текст эпиграфом, взятым из «Бахчисарайского фонтана», хоть и допустил при этом ошибку в цитировании [6, с. 268]. Французская поэтесса Адель Омер де Гелль, посещавшая полуостров в 1841 г., заявляла даже, что Пушкин «создал целую поэму» о «пенных водах» водопада Джур-Джур [7, с. 185]. А. С. Пушкин, разумеется, не писал о Джур-Джуре и даже не бывал у этого водопада, но тем более показательнее это ошибочное утверждение француженки, поскольку демонстрирует, насколько выразительной была особенность литературного сознания той поры – воспринимать Крым сквозь оптику пушкинского мировидения. И вполне объяснимо, что у Я. П. Полонского – молодого поэта, поклонника Пушкина – крымское пребывание вызвало соответствующие «пушкинские» ассоциации, которые прозрачно воплотились в его стихах о Крыме, в большинстве своем датированных 1850-м годом: «Качка в бурю», «Ночь на восточном берегу Черного моря», «Ночь», «Не мои ли страсти»; «Ночь в Крыму» (1857). В пушкинском Крыму Я. П. Полонский культивирует образ поэта-романтика. «Я люблю тот образ, который ты в настоящее время создаешь передо мною твоей жизнью, – писал Полонскому в этот период А. А. Фет. – Да, твоя натура истинно поэтическая <...>» [17, с. 330].

Крым безупречно гармонирует с романтическими чертами поэтического облика Я. П. Полонского – поэта «пушкинского круга». Полонский мыслил себя в пушкинском кругу. Его романтические ассоциации сфокусированы на Крыме. Крымские стихи Полонского пронизаны пушкинскими ассоциациями и настроениями:

Перед непризнанной любовью
Я весел был в прощальный час,

Но – боже мой! с какою болью

В душе очнулся я без вас!

Какими тягостными снами

Томит, смущая мой покой,

Все недосказанное вами

И недослушанное мной!

«Утрата», 1857 [13, с.124].

По словам А. Н. Майкова, стихотворение это («Утрата») «пахнет ароматом Пушкина» [14, с. 264]. И элемент подражания здесь не только понятен, но даже естественен – если исходить из особенностей того литературного времени, когда «сочинять значило подражать» (В. Г. Белинский) [1, с. 439]. Естественное психологическое стремление Полонского к соответствию критериям пушкинского романтического идеала привело к эффекту предельной авторской откровенности в поэзии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современниками Я. П. Полонский воспринимался не иначе, как представитель пушкинской школы, увенчанный лаврами пушкинской славы поэт. Такая оценка вполне соответствовала художественным ориентирам и жизненным установкам самого Я. П. Полонского. Творческие открытия А. С. Пушкина, пушкинское понимание роли поэта и поэзии, пушкинская манера привнесения «литературной игры» в светский быт и изящной светскости в жизнь литературную изначально программировали направление творческого развития Я. П. Полонского, определяли специфику формируемого Я. П. Полонским собственного литературного и «жизневого» образа, становились основой для жизнетворческих установок поэта. Крым стал уникальным местом, где Я. П. Полонский получил возможность оказаться в окружении реалий пушкинской эпохи и «пушкинских» ассоциаций, смог «вписать» эпизод собственной биографии в «пушкинский контекст». Это закономерно продиктовало художественному осмыслению Крыма в лирике Я. П. Полонского особенно выраженную «пушкинскую» направленность.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13-ти т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. – Т. 8: Статьи и рецензии. 1843–1845. – 728 с.
2. Гаршин Е. М. Поэзия Я. П. Полонского: Критический этюд [Текст] / Е. М. Гаршин. – СПб., 1887. – 27 с.
3. Дружинин А. В. Стихотворения Я. П. Полонского [Текст] / А. В. Дружинин // Современник. – 1855. – Т. 54. – С. 1–20.
4. Крым. Поэтический атлас: Справочник туриста и краеведа [Текст]. – Симферополь: Таврия, 1989. – 208 с.
5. Лотман Ю. М. Пушкин [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1995. – 847 с.
6. Орехов В. В. Пушкинский Крым с природы: переиздание крымского путеводителя из библиотеки А. С. Пушкина [Текст] / В. В. Орехов // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Выпуск 1. – Псков: ПГУ, 2015. – С. 266–282.
7. Орехов В. В. Француженка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму [Текст] / В. В. Орехов // Историческое наследие Крыма. – №8. – Симферополь, 2004. – С. 183–215.
8. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) [Текст]: Учебное пособие / Л. А. Орехова. – К.: УМК ВО, 1992. – 96 с.
9. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Выпуск 1. – Псков: ПГУ, 2015. – С. 258–265.
10. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра [Текст]: Дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.01; 10.01.08 / Л. А. Орехова. – Симферополь, 1992. – 328 с.
11. Орлов П. А. Я. П. Полонский (1819–1898). Критико-биографический очерк [Текст] / П. А. Орлов. – Рязань: Рязанское кн. изд-во, 1961. 232 с.
12. Полонский Я. П. Письма к Н. М. Орлову [Текст] / Я. П. Полонский // Новые пропилеи. М.–Пг., 1923. – Т. 1. – С. 40–72.

13. Полонский Я. П. Сочинения: В 2-х т. [Текст] / Я. П. Полонский. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 1: Стихотворения; Поэмы. – 493 с.
14. Пушкин А. С. Сочинения: В 3-х т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 1. – 735 с.
15. Страхов Н. Н. Критика. 1) Сочинения Я. П. Полонского. СПб. Т. I, II и III. 2) Стихотворения Н. Некрасова. Изд. пятое, 4 часть [Текст] / Н. Н. Страхов. – СПб., 1869 // Заря. – 1870. – № 418. – С. 127–164.
16. Тхоржевский С. С. Высокая лестница [Текст] / С. С. Тхоржевский // Портреты пером. – М.: Книга, 1986. – С. 220–349.
17. Фет А. А. Сочинения: В 2-х т. [Текст] / А. А. Фет. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 461 с.
18. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение [Текст] / Л. А. Черейский. – Л.: Наука, 1989. – 544 с.
19. Языков Д. Д. Полонский Я. П. [Текст] / Д. Д. Языков // Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. – РГАЛИ. – Ф. 637 [Текст]. – Оп. 1. – Ед. хр. 19. – Ч. 1. – № 46–86.

References

1. Belinskii V. G. Polnoe Sobranie Sochinenii: V 13-ti t. [Complete Works in 13 Volumes]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1953–1959, t. 8: Stati i Retsenzii. 1843–1845. 728 p.
2. Garshin E. M. Poeziya Ya. P. Polonskogo: Kriticheskii Etyud [Poetry by Ya. P. Polonskiy: A Critical Etude]. Sankt-Peterburg, 1887. 27 p.
3. Druzhinin A. V. Stikhotvoreniya Ya. P. Polonskogo [Poems by Ya. P. Polonsky]. Sovremennik Publ. 1855, t. 54, pp. 1–20.
4. Krym. Poeticheskii Atlas: Spravochnik Turista i Kraevedy [Crimea. Poetic Atlas: Directory of Tourist and Local Historian]. Simferopol: Tavriya Publ., 1989. – 208 p.
5. Lotman Yu. M. Pushkin [Pushkin]. Sankt-Peterburg: Iskusstvo Publ., 1995. 847 p.
6. Orekhov V. V. Pushkinskii Krym s Naturey: Pereizdanie Krymskogo Putevoditelya iz Biblioteki A. S. Pushkina [Pushkin's Crimea from Life: Reissue of the Crimean

- Guidebook from the Library of A. S. Pushkin]. Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Socialno-Gumanitarnye Nauki». Pskov: PGU Publ., 2015, № 1, pp. 266–282.
7. Orekhov V. V. Frantsuzhenka Omer de Gell' i eyo Puteshestvie po Krymu [Frenchwoman Hommaire de Hell and her Journey through the Crimea]. Istoricheskoe Nasledie Kryma. Simferopol, 2004, №8, pp. 183–215.
 8. Orekhova L. A. Avtorskoe Mifotvorchestvo i Russkii Modernizm (Liricheskaya Proza) [Author's Myth-making and Russian Modernism (Lyric Prose)]: Uchebnoe Posobie. Kiev: UMK VO Publ., 1992. 96 p.
 9. Orekhova L. A. «Bakhchisaraiskii Fontan» A. S. Pushkina v Literature Puteshestvii po Krymu: Problemy Interpretatsii [“The Bakhchisarai Fountain” by A. S. Pushkin in Travelling Literature on the Crimea: Problems of Interpretation]. Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Sotsialno-Gumanitarnye Nauki». Pskov: PGU Publ., 2015, № 1, pp. 258–265.
 10. Orekhova L. A. Obraz Avtora i Poetika Zhanra. Dis. ... Dokt. Filol. Nauk: 10.01.01; 10.01.08 [The Image of the Author and the Poetics of the Genre]. Simferopol, 1992. 328 p.
 11. Orlov P. A. Ya. P. Polonskii (1819–1898). Kritiko-Biograficheskii Ocherk [Ya. P. Polonsky (1819–1898). Critical and Biographical Essay]. Ryazan: Ryazanskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1961. 232 p.
 12. Polonskii Ya. P. Pisma k N. M. Orlovu [Letters to N. M. Orlov]. Novye Propilei. Moscow – Petrograd, 1923, t. 1, pp. 40–72.
 13. Polonskii Ya. P. Sochineniya: V 2-h t. [Works in 2 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986, tt. 1: Stikhotvoreniya; Poemy. 493 pp.
 14. Pushkin A. S. Sochineniya: V 3-h t. [Works in 3 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1985, t. 1. 735 p.
 15. Strakhov N. N. Kritika. 1) Sochineniya Ya. P. Polonskogo. Sankt Peterburg. T. I, II i III. 2) Stikhotvoreniya N. Nekrasova. Izd. Pyatoe, 4 Chast [Criticism. 1) Works of Ya. P. Polonskiy. Sankt Peterburg. T. I, II and III. 2) Poems by N. Nekrasov. The Fifth Edition, 4 Part]. Zarya Publ., 1870, № 418, pp. 127–164.

16. Tkhorzhevskii S. S. Vysokaya Lestnitsa [High Staircase]. Portrety Perom. Moscow: Kniga Publ., 1986. 220–349 pp.
17. Fet A. A. Sochineniya: V 2-h t. [Works in 2 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1982, t. 2. 461 p.
18. Chereiskii L. A. Pushkin i ego Okruzhenie [Pushkin and his Surrounding People]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 544 pp.
19. Yazykov D. D. Polonskii Ja. P. [Polonskiy Ya. P.]. Materialy dlya Obzora Zhizni i Trudov Russkikh Pisatelei i Pisatel'nits. Rossiiskii Gosudarstvennyi Arkhiv Literatury i Iskusstva (RGALI), f. 637, ed. hr. 19, ch. 1, № 46–86.

«PUSHKIN'S CRIMEA» AND «ROMANTIC CREATIVE LIFE»

OF YA. P. POLONSKY

E. M. Baranskaya

Summary. The article is devoted to the issue of the Pushkin's traditions influence on the famous Russian poet Ya. P. Polonsky's Crimean works (1819–1898). Contemporaries perceived Ya. P. Polonsky as one of the most successful lyricists who consistently adhered to the artistic principles of romantic poetry. Ya. P. Polonsky also initially viewed himself as a successor of Pushkin's poetic tradition, which determined both the peculiarities of his creative search and the specifics of his "literary personality". Romantic ideals not only determined his artistic strategy, but also formed the guidelines for his creative life. Ya. P. Polonsky's journeys to the Crimea (1846, 1850) were the result of everyday circumstances, but in the end the staying on the peninsula turned out to be an important episode of Ya. P. Polonsky's literary biography. The article clarifies the actual basis of Ya. P. Polonsky's trips to the peninsula, defines the list of works written in the Crimea by the poet or based on the Crimean impressions. The analysis of these materials allows us to conclude that in the Crimea Ya. P. Polonsky was able to be surrounded by the realities of Pushkin's era and "Pushkin's" associations, and was able to "write" an episode of his own biography into "Pushkin's context". This fact naturally dictated a clearly expressed "Pushkin" orientation to the artistic understanding of the Crimea in the lyrics of Ya. P. Polonsky.

Keywords: romantic creative life, Crimea, Ya. P. Polonskiy, A. S. Pushkin, a lyrical hero.